

«Утверждаю»

Руководитель Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук
доктор биологических наук.

Мартыненко В.Б.

11.04. 2025 г.

Официальный отзыв ведущей организации - Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук на диссертацию Цыбиковой Бадмы-Ханды Бадмадоржиевны “Повествовательный фольклор бурят Внутренней Монголии Китая: традиция и эволюция (нач. XX в. – первая четверть XXI в.)”, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

Диссертационная работа Цыбиковой Бадмы-Ханды Бадмадоржиевны посвящена изучению традиции и эволюции повествовательного фольклора бурят Внутренней Монголии Китая с начала XX в. по первую четверть XXI в.

Актуальность темы исследования определяется отсутствием исследований по достаточно большому массиву жанров устной повествовательной прозы бурят, живущих на территории Внутренней Монголии КНР, что важно для более полного представления общенационального фонда изучаемых жанров. Не менее важным аспектом является и предпринятый в работе сопоставительный анализ фольклора шэнэхэнских бурят с устной традицией российских бурят с целью выявления общих истоков и трансмиссии фольклорного знания.

Научная новизна представленной диссертации состоит в выявлении устойчивых элементов традиции и определении характера эволюции в повествовательном фольклоре бурят Внутренней Монголии Китая. Высокую степень новизны и достоверности обеспечили введение в научный оборот текстов устной повествовательной прозы китайских бурят, собранных соискателем в период полевых исследований с 2010 по 2018 гг. в Хулун-Буирском городском округе Эвенкийского хошуна Автономного района Внутренняя Монголия Китая. В работе впервые охарактеризован их сюжетно-мотивный фонд; проведена тематическая классификация; теоретически обоснована самостоятельность устных рассказов бурятских мигрантов как отдельной разновидности несказочной прозы; установлены параллели или совпадения в фольклорных и этнокультурных традициях шэнэхэнских и российских бурят, раскрыты локальные особенности устной прозы китайских бурят.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые дается характеристика жанрового состава, семантики, функциональной направленности традиционного фольклора бурят Внутренней Монголии Китая. На основе анализа различных видов мифологической прозы, легенд, преданий, устных рассказов автором предложена собственная классификация сказочной прозы китайских бурят. Основные положения и выводы диссертационной работы существенно углубили представления о сюжетно-мотивном фонде, жанровой системе, специфике устной повествовательной традиции бурятского этнического анклава в Китае. Результаты исследования станут базой для дальнейших научных изысканий в области фольклора и этнокультуры монгольских народов, а также обобщающих трудов по вербальной, обрядовой культуре других этносов. Выявленные в диссертации факты сохранности, модификации, эволюции фольклорной традиции в иноэтническом окружении – это новый взгляд на изучение анклавной традиции диаспор. С использованием актуальных методик сбора и обработки фольклорного материала, общенаучных методов сравнительного анализа обнаружены сходные мотивы и сюжеты, установлены общие и локальные особенности повествовательного фольклора российских и шэнэхэнских бурят.

Практическая ценность: полученные результаты, несомненно, можно внедрить в практическую деятельность по возрождению интереса к культурному многообразию этносов, населяющих трансграничное пространство, по сохранению, передаче культурного наследия и популяризации ценностей традиционной культуры. Итоги и обобщения исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов по фольклору и традиционной культуре монгольских народов, в составлении сюжетно-мотивных указателей устной повествовательной прозы. Тексты сказочной прозы бурят Внутренней Монголии Китая, собранные соискателем в течение ряда лет и используемые в диссертации, могут быть включены в корпус тома «Сказочная проза бурят» для академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» как достоверные источники живого бытования фольклора.

С учетом актуальности, теоретической и практической значимости темы диссертации соискатель ставит перед собой конкретную цель – определить характер и специфику бытования бурятского повествовательного фольклора в условиях диаспоры, выявить сохранность и эволюцию традиции. Поставленная цель детализируется формированием пяти основных задач, реализованных в работе. Предмет изучения, его цели и задачи представлены четко и полно.

В диссертационном исследовании Цыбикова Б.-Х. Б. опирается на основные труды и методологические исследования российских классиков отечественной фольклористики А. М. Веселовского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, С. Ю. Неклюдова и др.; при определении жанров сказочной прозы – на теоретико-методологические положения, выработанные в фундаментальных работах С. Н. Азбелева, В. П. Аникина, К.

В. Чистова, Н. А. Криничной, И. З. Ярневского; при оценке фольклорной анклавной традиции – на научные изыскания В. Л. Кляуса, Ж. М. Юши, М. С. Михалева, М. М. Паштовой, З. Д. Джапуа, А.А. Забияко, А.П. Забияко, Ю. В. Аргудяевой. В диссертации автор также опирается на исследования отечественных специалистов по фольклору, традиционной культуре, этнографии бурят и монголоязычных народов: А. И. Уланова, Е. В. Баранниковой, С. С. Бардахановой, Н. О. Шаракшиновой, В. Ш. Гунгарова, М. И. Тулохонова, Е. Н. Кузьминой, Л. С. Дампиловой, К. М. Герасимовой, Г. Р. Галдановой, К. Д. Басаевой, Е. Э. Хабунновой, Т. Г. Басанговой, Э. П. Бакаевой, А. А. Бурыкина, Ц. Б. Селеевой и др., о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в тексте диссертации и солидная библиография (с. 318-366). Автор свободно ориентируется в истории и теории вопроса; в работе представлен всесторонний и исчерпывающий анализ как теоретической литературы, так и первоисточников, что говорит о глубоком и всестороннем знании изучаемой проблемы. Теоретические положения и выводы в трудах авторов, перечисленных выше, использованы автором при комплексном подходе к рассмотрению ряда проблем функционирования фольклора этнических общностей вне ареала расселения своего народа.

Судя по содержанию диссертации, все задачи решены: представлены основные аспекты этнокультурной традиции бурятской диаспоры в Китае; охарактеризован сюжетно-мотивный фонд шэнэхэнских сказок; на основе классификации жанрового состава несказочной прозы китайских бурят выявлены универсальное и отличительное с материнской традицией; обоснована необходимость выделения устных рассказов бурятских мигрантов в отдельную разновидность несказочной прозы; определено влияние иноэтнического окружения на фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Все это предопределило результативность проведенного исследования, а 7 положений, вынесенных на защиту, можно считать доказанными.

Источниковую базу исследования составили сорок восемь бурятских сказок с волшебным, героическим, бытовым сюжетом и сорок пять устных рассказов, записанных во время полевых исследований в 2010-2012, 2014, 2018 гг. во Внутренней Монголии Китая и опубликованных в трех книгах: «Фольклор шэнэхэнских бурят»; «Фольклор бурят Внутренней Монголии. Сказки»; «Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Устные рассказы». Введены в научный оборот также шестнадцать неопубликованных текстов несказочной прозы бурят Китая, которые хранятся в Общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (инв. № 2914). Они приведены с переводом на русский язык в Приложении к диссертации на 67 страницах.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения; пяти глав, включающих несколько отдельных параграфов каждая; заключения; списка источников и литературы; перечня сокращений. Общий объем диссертации с приложениями – 434 с.

Во введении соискатель обосновывает выбор темы, ее актуальность,

определяет методологическую базу и методы исследования, имеющие как общетеоретическое, так и практическое значение, формулирует научную новизну, цель и задачи, а также основные положения, которые выносятся на защиту.

Первая глава – «Субэтническая группа бурят Внутренней Монголии Китая: формирование локальной общности и этапы ее развития» состоит из двух разделов. В первом разделе раскрываются основные причины миграции бурят в приграничные северо-восточные районы Китая, одна из которых заключалась в “выборе территории, благоприятной для ведения кочевого пастбищного скотоводства”. Во втором содержатся краткие сведения историко-этнографического характера о численном и этническом составе китайских бурят, о контактах бурятских мигрантов с русскими переселенцами из Забайкалья, об особенностях реиммиграционного процесса, анализируется языковая ситуация в бурятском этническом анклав.

Во второй главе «Духовная культура и верования шэнэхэнских бурят» рассматриваются этнокультурные традиции и семейные обряды бурят Внутренней Монголии Китая, структура и вербальная часть которых отличается наибольшей сохранностью и полнотой; показана роль буддийского храма шэнэхэнцев как детерминанты, обеспечивавшей для первого поколения переселенцев связь с исторической родиной, и как консолидирующего, культурно-религиозного центра локальной этнической общности бурят в Китае в целом. В числе ценностных ориентаций шэнэхэнцев их привязанность к традиционной культуре и родному языку представляется одной из ключевых.

Третья глава «Сказочная проза бурят Внутренней Монголии: инерция и трансляция» состоит из пяти разделов и посвящена подробному рассмотрению всех разновидностей сказок (богатырские, волшебные, новеллистические, бытовые, кумулятивные), бытующих в живом устном исполнении во Внутренней Монголии с сохранением традиционной структуры, образных клише, ярких фразеологических оборотов.

В первом разделе «Богатырские сказки бурят Китая и эпос хори-бурят» автором установлено, что исследуемые богатырские сказки представляют собой продукт прозаического изложения укороченных улигерных сюжетов с сохранением эпического характера повествования, обнаружено взаимопроникновение жанров эпоса и сказочной прозы внутри одной родственной фольклорной культуры.

В следующем разделе «Сюжетные линии шэнэхэнских сказок» анализируются типичные сюжеты волшебных, бытовых, новеллистических сказок, бытующих в среде бурят Внутренней Монголии. Выявлено, что сюжеты некоторых из них основаны на архаических элементах, отражающих борьбу героя с враждебными фантастическими персонажами, в то время как сказки с социальным конфликтом построены на взаимоотношениях в семье, вражде братьев, повествуют о коварстве и зависти старших братьев, о борьбе против социальных врагов – ханов, богачей и т. д. Автором доказано, что

сюжетную основу волшебных сказок составляют традиционные для общепуэртской сказки звенья: отправление для выполнения трудных заданий, пространственное перемещение и связанные с этим события; поиск, спасение от вредителей; состязания и победа. Также обнаружены змеборческая тема (спасение от змея девушки; нарушение условия змея, когда герой своей хитростью избегает наказания) и популярные сюжеты и мотивы, восходящие к древнеиндийским и тибетским письменным источникам.

Автором доказано, что материал по сказочной прозе бурят Китая ярко демонстрирует совпадения и схождения в разработке традиционных сюжетов сказок разных жанровых видов и в шэнэхэнской, и в материнской традициях, что большинству вариантов рассмотренных сказок характерна общая жанровая типология со сказками, бытующими у хори-бурят. Более того, установлено, что сюжетно-тематический фонд сказок, записанных в Шэнэхэне, отличается разнообразием, полнотой текстов, художественными достоинствами.

В разделе «Реализация мотивных единиц в сюжетах сказок» определены основные мотивы, в большинстве своем сюжетообразующие в волшебных сказках, и особенности их реализации в исследованных шэнэхэнских сказках в сравнении с материнской традицией. Это мотив отправки главного героя в путь; мотив возвращения персонажа за оставленным предметом; мотив поиска или добывания чего-либо; мотив нарушения либо запрета, либо договора и, как следствие, связанный с ним мотив наказания; в волшебных сказках наиболее частотными являются мотивы преобразений героя и трансформации предметов, являющиеся общими для сказочной прозы и китайских, и российских бурят.

Автором диссертации также установлено, что для развития сюжета важную роль играют мотивы: участия героя в различных состязаниях; оставления им свадебного поезда и прибытия домой одному; обнаружения по прибытии разоренного в его отсутствие хозяйства; узнавания родителями сына и подавления героем захватчика; поиска души врага и нахождения её; оживления героя/персонажей, которые являются традиционным элементом сюжета фольклорных произведений народов мира, в том числе и шэнэхэнских волшебных сказок.

К статичным мотивам, которые не влияют на развитие сюжета, автор относит мотив чудесного одаривания золотом или серебром каким-нибудь животным; мотив употребления материнского молока, основанный на представлении носителей фольклора о сакральности грудного молока/материнского молозива; мотив исцеления героя лечебными травами; мотив обращения к священнослужителю с просьбой даровать детей; мотив исполнения колыбельной песни; мотив, связанный со сном и сновидением (вещий сон, богатырский сон), характерные для волшебных сказок шэнэхэнцев и бурят России.

Развернутый анализ бытовых сказок и шэнэхэнцев, и российских бурят показал, что для них характерно использование мотива выполнения трудных

заданий – в основном для выявления ума и мудрости главного действующего лица; мотива испытаний в мудрости; мотива абсурдного решения судьбы.

Установлено также наличие локальных сюжетов, незафиксированных в сказках материнской традиции. Например, мотив поиска и добывания аршана – вечной воды, который, наряду с традиционной функцией воскрешения героя, в шэнэхэнской сказке реализуется еще и для того, чтобы обеспечить бессмертие сыновьям одного из персонажей; мотив нахождения души героя в перочинном ноже; самобытные мотивы с мифологической семантикой: получение способности испускать благовонные запахи в результате поедания героем пузырька с лопаточной части утки; мох, которым обернуты ноги женщины, обеспечивает ей тепло; зерно, посеянное на голове женщины, служит съестным припасом для нее. В шэнэхэнских сказках выявлены сюжеты и мотивы, имеющие параллели и аналогии с сюжетами и мотивами других народов, входящих в мировой сказочный фонд.

В разделе «Система персонажей шэнэхэнских сказок» персонажный ряд шэнэхэнских сказок сгруппирован в несколько блоков, исходя из концепции В. Я. Проппа о типах персонажей, различающихся в зависимости от их функции.

Персонажи «первого ряда» (Н. В. Новиков) – это герои-богатыри, баторы и мэргэны с необыкновенными физическими данными, что способствует совершению ими различных подвигов, а также «иронические удачники», которые представлены в данном исследовании героями более низкого уровня: младший сын/младший брат; единственный сын матери; сын бездетных родителей/богача, а также мифологические персонажи: как, например, сын, появившийся из хвоста козы; ветер-вихрь; говорящая птица.

В качестве «искомого персонажа» (В. Я. Пропп) в волшебной сказке шэнэхэнцев выведена суженая героя, предназначенная ему судьбой: дочь Наран-хана Наран-Зулу; Алтан-Гунан-Сэсэг; дочь шаманки с необычными способностями. Чтобы добиться согласия на брак, герой отправляется в путь.

В бурятских волшебных сказках выделяется такой тип помощника, как конь, являющийся неизменным спутником богатыря. В сказке персонаж-конь выступает в роли: а) стражника; б) советчика, подсказывающего алгоритм действий своего хозяина для успешного достижения им цели; в) активного соучастника в предпринимаемых хозяином действиях, подчеркивающие их гармоничное единство.

В четвертой главе «Несказочная проза бурят Внутренней Монголии: сохранность и изменчивость» на основе систематизации и классификации жанров несказочной прозы дана характеристика их тематического, сюжетно-мотивного разнообразия; установлены общие и отличительные черты в устной повествовательной традиции китайских и российских бурят.

Автор классифицировал материал по тематическому принципу с учетом сюжетно-мотивных особенностей, системы персонажей и функциональной направленности текстов и распределил его по следующим блокам:

I. Мифологическая проза, куда вошли рассказы о почитании духов природных объектов, воды, огня; рассказы о творце-хозяине миропорядка, регулирующем быт не только человека, но и животных, зверей; рассказы о нечистой силе и ее подавлении; о людоедстве.

II. Легенды мифологического, фантастического, сверхъестественного и чудесного характера, которые делятся на рассказы о шаманах, шаманках, ламах и конфликте между ними; о незаурядных личностях из народной массы с нестандартными физическими качествами; о наиболее почитаемых буддийских персонажах, а также на топонимические легенды, связанные с историей возникновения бурятских названий гор, рек на территории Хулун-Буира.

III. Предания-рассказы о фактах исторической действительности, о конкретных лицах далеких времен с относительной долей достоверности, направленной на то, чтобы убедить слушателя в реальности рассказываемого.

Анализ показал, что некоторые сюжеты и мотивы традиционных преданий хори-бурят переосмыслены шэнэхэнцами в контексте этнической истории локальной группы китайских бурят.

IV. Устные рассказы, связанные с бытом китайских бурят, раскрывающие их традиционные представления, верования и этнокультурные особенности и повествующие о первых переселенцах, их социальном устройстве в ином пространстве и окружении, известных людях из среды мигрантов.

Далее подробно анализируется каждый из перечисленных выше блоков, приводятся итоги сравнительного исследования их с материалами русских бурят. На наш взгляд, наиболее значимые выводы следующие: 1) Сюжет о Хоридой-Мэргэне и птице-лебедь, увезенный из исторической родины и бережно сохраняемый в иноэтническом фольклорном окружении, по существу, не меняется в устной традиции китайских и монгольских бурят. Если в Шэнэхэне бытуют варианты на этот сюжет в развернутой форме, то в российских реалиях сегодня обнаружены письменные, опубликованные версии: 2) группа шэнэхэнских легенд о шаманах и шаманках имеет соответствующие параллели с бытующими в материнской традиции сюжетами об их особом даре, различных сверхъестественных способностях, а немногочисленные шэнэхэнские легенды о шаманах, хотя и следуют общей традиционной концепции об их волшебных способностях, отличаются от произведений о шаманах в западнобурятской традиции оригинальностью сюжетов; топонимические легенды китайских бурят объясняют происхождение местных ландшафтных названий, отражающих современное пространство их проживания, в то же время выявлены общие, объединяющие с материнской традицией мотивы почитания крупных общепобурятских сакральных центров – Ольхона, Бархана, Алханая, т.е. буряты Внутренней Монголии не утратили связь со своими истоками; 3) в шэнэхэнских преданиях сохраняется изначально хоринская традиция повествований о явлениях исторического значения; происхождении хори-бурятского рода; незаурядных личностях, национальных героях, т.е. устная историческая

проза шэнэхэнцев, как и российских бурят, представлена сюжетами о конкретной исторической действительности далекого прошлого; 4) сфера распространения устных рассказов ограничена территорией проживания шэнэхэнцев, обусловлена исторической судьбой китайских бурят, потому они характеризуются как «локальный фольклор». Необходимо отметить и то, что методы народного лечения, обычаи, обряды, поверья, приметы, отображенные в устной повествовательной прозе локальной группы бурят Внутренней Монголии, имеют общие хори-бурятские корни и совпадают с материнской традицией.

В главе V «Языковые особенности повествовательной прозы китайских бурят», состоящей из двух частей (V.1. Фольклорная лексика как отражение этнических традиций; V.2. Характерные синтаксические конструкции в фольклорных произведениях шэнэхэнцев), содержатся результаты анализа наиболее значимых средств художественной выразительности устной повествовательной прозы шэнэхэнцев, их стилевой специфики и смысловой нагрузки. Установлено, что традиционными художественными ресурсами зафиксированных текстов являются фразеологизмы, идиомы, диалектные словосочетания. Выявлены этнически маркированные лексические единицы, подчеркивающие национальный колорит, к которым относятся лексика с этнографическим компонентом, лексика из реалий старинного быта, скотоводческая лексика и т. д., общие для представителей хори-бурятской общности, сохранившиеся в повествовательной прозе шэнэхэнских бурят.

В Заключении подведены итоги исследования. Автор аргументированно формулирует результаты исследования, что изучение самобытной культуры этнических анклавов целесообразно для выявления устойчивости и эволюции фольклорной традиции в иноязычной среде.

Наиболее существенные результаты, полученные автором в ходе исследования, следующие:

- охарактеризованные в работе аспекты духовной культуры шэнэхэнцев позволили увидеть их приверженность к бурятским обычаям, обрядам жизненного цикла, буддийским религиозно-духовным практикам;
- установлено, что сказочная проза бурят Внутренней Монголии восходит к традиционному сюжетно-мотивному фонду сказок российских бурят, а традиции их исполнения едины – они не подверглись существенной трансформации, но в репертуаре бурят Китая сохранились богатырские сказки в отличие от материнской традиции, где в настоящее время утрачено живое исполнение эпических и сказочных сюжетов героического содержания;
- в несказочной прозе выявлен общий пласт мифологических нарративов, устных рассказов по этномедицине, этнокультуре; легенд и преданий, бытующих как у шэнэхэнцев, так у российских бурят;
- в мифологической прозе бурят Внутренней Монголии отмечены представления о «наивной» картине мира, допускающие судить о религиозно-мифологических верованиях, специфичности мировосприятия и

миропонимания носителей традиции, о бытовании сюжетов и мотивов с мифологической основой в живой традиции, воспроизведении в наши дни;

- доказано, что шэнэхэнские предания характеризуются в целом общностью тем, сюжетов, образов повествовательной традиции, обусловленной этногенезом и общей этнической историей хори-бурят; что к текстам несказочной прозы шэнэхэнцев, обладающим локальными особенностями, относятся варианты преданий о Бальжан-хатан, о Бабжа-Барас-баторе, о шаманке, выпросившей у Хурмасты сыновей, отражающих характер модификации традиционной сюжетной матрицы в соответствии с особенностями локальной этнической истории китайских бурят;

- выяснено, что шаманские и буддийские темы являются основными в жанре легенд шэнэхэнцев; в них повествуется о явлениях и случаях окружающей действительности с позиции мистических воззрений носителей традиции; выявлены легенды, совпадающие с текстами российских бурят; в то же время определено, что специфическим фольклорным явлением являются созданные бурятами Китая новые топонимические легенды о переименовании некоторых гор и рек после переселения;

- содержание устной прозы китайских бурят представлено в двух частях: увезенные и сохраненные в устном бытовании произведения, отражающие традиционные обряды, обычаи, поверья, приметы, запреты; сведения о народных методах лечения, имеющие общие с хори-бурятскими традициями истоки, и произведения, сложенные после исхода бурят в пределы китайского государства, которые содержат коллективные воспоминания о реалиях недавнего прошлого, в том числе о пережитом опыте адаптации в новых условиях;

- установлено, что фольклор бурят Внутренней Монголии сохраняет устойчивость традиции во времени, в которой минимально иноэтническое влияние;

- доказано, что языковую особенность устной прозы локальной группы хори-бурятского этноса в Китае составляют фольклорная стереотипность, художественно-образная конкретизация этнических компонентов, лексика фольклорной прозы шэнэхэнских бурят отличается наличием названий предметов из прошлого быта бурят, элементов их мировоззренческих установок, религиозно-обрядовой практики, отражающих этнокультурные особенности этноса в целом;

- определено, что повествовательный фольклор бурят Внутренней Монголии Китая характеризуется в значительной степени как стабильная и саморазвивающаяся, но в то же время она открыта к творческому обогащению и за счет иноэтнического влияния.

Полученные диссертантом выводы представляются в целом обоснованными, соответствуют цели, задачам и содержанию основной части, изложены убедительно и свидетельствуют о высоком научном уровне диссертации.

При всех отмеченных достоинствах диссертационная работа Цыбиковой Бадмы-Ханды Бадмадоржиевны не лишена недостатков:

1. Разделы, даже внутри главы, как правило, не должны завершаться цитатой, что наблюдается в начале работы (с. 21, 25, 26, 28, 31).
2. В источниках исследования хорошо было бы указать и сравнительные материалы российских бурят. Например, в тексте выигрышно смотрятся источники по сказкам: 1) сказки российских бурят, опубликованные в нескольких томах в Улан-Удэ и Новосибирске [Бурятские народные сказки (БНС) 1973, 1976, 1981, 1990, 1993, 2000, 2008] (с. 80); 2) опубликованные хори-бурятские улигеры – 13 текстов (с. 92).
3. При анализе сказок не указаны сюжетные типы, а где указаны (с.111-127), нет ясности по какому указателю международных сюжетов они определены: по АТУ или по СУС, что очень важно при исследовании сказочного репертуара.
4. Иногда в тексте требуется уточнение обрядовых атрибутов. Например, интересно было бы узнать из текста “прибывшие сваты после этого одаривали всех присутствующих угощениями, подарками”, о каком угощении или каких подарках (с. 57) идет речь?
5. Несмотря на то, что работа содержит сопоставление с фольклором российских бурят, было бы полезно усилить сравнительный аспект, анализируя влияние китайской и монгольской культур на шэнэхэнскую традицию.
6. В некоторых разделах (например, при классификации несказочной прозы) можно было бы более детально обосновать критерии разграничения жанров.
7. В дальнейшем было бы интересно рассмотреть, как современные медиа и цифровые технологии влияют на трансляцию фольклора шэнэхэнских бурят и российских бурят.
8. Есть технические опечатки (с. 111, 116, 123, 132, 148), стилистические погрешности (123, 130, 132, 156, 179, 184, 212, 257).

Высказанные пожелания и замечания преимущественно носят рекомендательный характер и не влияют в целом на положительную оценку диссертации.

Работу завершает список использованной литературы, состоящий из 439 наименований, в том числе научных и фольклорных источников.

Данная рецензируемая работа прошла хорошую апробацию. По теме исследования опубликованы 63 научные работы, в том числе 1 монография, раздел в одной коллективной монографии, 5 книг фольклорных текстов, 14 статей в реферируемых изданиях ВАК, 10 статей в изданиях, входящих в Международные базы данных WoS и Scopus, 32 статьи в сборниках научных трудов, индексируемых в РИНЦ.

Выступившие на обсуждении диссертации научные сотрудники отдела фольклористики, среди которых, кроме составителя данного отзыва, один доктор философских наук и четыре кандидата филологических наук, один кандидат философских наук обозначили актуальность темы, ее теоретическую и практическую значимость, подчеркнули, что цель исследования достигнута, поставленные задачи выполнены, работа состоялась.

Таким образом, диссертационная работа Цыбиковой Бадмы-Ханды Бадмадоржиевны "Повествовательный фольклор бурят Внутренней Монголии Китая: традиция и эволюция (нач. XX в. – первая четверть XXI в.)" представляет собой завершенное научное исследование и отвечает требованиям в пунктах 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (в действующей редакции), предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4. Фольклористика.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Протокол № 2 от 10 апреля 2025 г.

Отзыв составила:

доктор филологических наук,
зав. отделом фольклористики
Института истории, языка
и литературы Уфимского
федерального исследовательского центра
Российской академии наук

Р. Юсуп

Хусаинова Гульнур Равиловна

Председательствующий на заседании
отдела фольклористики Института истории,
языка и литературы Уфимского
федерального исследовательского центра
Российской академии наук:
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
фольклористики

С. Ситникова

Хакимьянова Айгуль Мужавиловна

10 апреля 2025 г.

Контактные данные:

Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы
Федерального государственного бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Почтовый адрес: Россия, 450054, г. Уфа, проспект Октября, дом 71.

тел.: +7 (347)235-60-50 (Приемная),

веб-сайт: <http://www.rihll.com/>

e-mail: rihll@anrb.ru

